

Русские дипломаты в государствах Германии в XVIII в.: Пруссия, Саксония, Голштиния

И. Н. Колесников, М. В. Дарендорф, И. Н. Александрова

Аннотация. В публикации на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматриваются дипломатические методы работы Российской империи в германских государствах в середине XVIII века. Представлены русские послы в Германии и их деятельность от вручения верительных грамот до активной международной дипломатии. Акцент делается на трех наиболее значимых для российской внешней политики германских государствах — Пруссии, Саксонии и Голштинии.

Ключевые слова: Российская империя, дипломатия, союзы, внешняя политика, национальные интересы, Пруссия, Саксония, Голштинское герцогство.

Abstract. The publication on the basis of archival materials and published sources discusses the diplomatic methods of the Russian Empire in the German states in the middle of the XVIII century. Russian ambassadors in Germany and their activities from the presentation of credentials to active international diplomacy are represented. The focus of the first part of the study is on the three most significant German states for Russian foreign policy: Prussia, Saxony and Holstein.

Key words: Russian Empire, diplomacy, unions, foreign policy, national interests, Prussia, Saxony, Holstein duchy.

После Вестфальского мирного договора 1648 г. Германия оказалась политическим центром Европы и начала называться Священной Римской

Колесников Илья Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного университета. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Дарендорф Марианна Викторовна* — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru; *Александрова Инна Николаевна* — кандидат исторических наук, директор Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. E-mail: 89288137339@mail.ru.

Kolesnikov Ilya N. — PhD (History), associate professor of the Pyatigorsk State University. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Dahrendorf Marianna V.* — PhD (History), head of the Department of the Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru; *Alexandrova Inna N.* — PhD (History), director of the Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki. E-mail: 89288137339@mail.ru.

империей германской нации. Власть ее императора стала более ограниченной. Ведущая роль в выборе правителей была отведена курфюрстам — немецким князьям. В XVIII в. они превратились в наиболее авторитетных и могущественных правителей. Была сформирована курфюрстская коллегия, которая регулярно созывалась во Франкфурте-на-Майне. Решения, принимаемые коллегией, проходили утверждение Рейхстагом — общим имперским органом, который в то время называли имперским собранием.

Рейхстаг созывался редко, в его компетенцию входили вопросы, касавшиеся всей Священной Римской империи германской нации: объявление мира и войны, внесение изменений в законодательство, развитие экономики и т.д. С 1666 г. Рейхстаг постоянно собирался в городе Регенсбурге. В его заседаниях участвовали практически все государственные чины, в число которых входили религиозные и светские феодалы, а также представители городов империи. Рейхстаг являлся сословно-представительным органом и делился на коллегии курфюрстов. Всего было сформировано три коллегии. Таким образом, Франкфурт-на-Майне и Регенсбург являлись политическими центрами Германии.

Необходимость представительства Российской империи в этих центрах европейской политики была очевидна. Несмотря на это, благоприятные условия для присутствия во Франкфурте-на-Майне появились лишь в 1745 г. в связи со смертью Карла VII и подготовкой к избранию нового императора. В качестве основного кандидата на роль дипломатического представителя был назван находившийся в то время на российской службе в качестве полномочного министра России на территории Польши Герман Карл фон Кейзерлинг (1697—1764). Дипломат являлся немцем по происхождению и был хорошо осведомлен об обстановке в германских княжествах.

В инструкции, разработанной для дипломата, от 16 февраля 1745 г. было определено, каких «правил поведения» ему придерживаться и как не стоит поступать при избрании нового императора, то есть — стоило действовать без проявления видимой заинтересованности Российской империи в каких-то конкретных кандидатах. Однако необходимо было не допустить восхождения на германский престол прусского, польского или английского королей, пфальцского и баварского курфюрстов. Россия проявляла благосклонность к герцогам тосканским — отцу и сыну королевы Венгрии, которые также претендовали на престол Священной Римской империи германской нации. Кроме того, Кейзерлинг должен был добиваться признания курфюрстами и другими высокими германскими государственными чиновниками императорского титула за преемником российского престола, герцогом Голштинским Петром Фёдоровичем¹.

Исходя из архивных документов, можно сделать вывод о том, что Кейзерлинг был хорошо знаком с германским законодательством. В своей реляции из Польши от 12 марта 1745 г. дипломат сообщал, что согласно «Золотой булле» (законодательный акт Священной Римской империи, принятый имперским Рейхстагом в 1356 г.) в периоды междуцарствия иностранные государства как правило направляли своих дипломатических представителей непосредственно к курфюрстам и викариям. Кейзерлинг предполагал, что его официальный дипломатический статус представителя Российской империи при курфюрстской коллегии в им-

перском собрании мог быть намного полезнее ². Аргументы Кейзерлинга были учтены Коллегией иностранных дел в процессе определения его официального статуса во Франкфурте-на-Майне.

По прибытии во Франкфурт-на-Майне в мае 1745 г. Кейзерлинг передал городскому магистрату кредитивную (верительную) грамоту. Выборы императора Священной Римской империи германской нации состоялись в сентябре, по их результатам на престол был возведен Франциск I — тосканский герцог. Исход выборов был благоприятно воспринят Российской империей. Российскому дипломату пришлось приложить немало усилий для признания императорского титула за российскими государями. Достижение этой цели стало возможным благодаря поддержке майнцкого (Ерталя) и саксанских (Шенберга и Лооса) курфюрстов, которые составляли большинство в курфюрстской коллегии ³.

В качестве доказательства признания императорского титула за Елизаветой Петровной можно рассматривать выданную Кейзерлингу рекредитивную грамоту от 6 октября 1745 г., которую подписали семь курфюрстов, принимавших участие в избрании Франциска I ⁴.

После подписания рекредитивной грамоты окончательное решение о признании императорского титула правителей Российской империи зависело от Рейхстага. Кейзерлинг отправился туда со специальным поручением. В это время имперское собрание проводило работу по утверждению кандидатуры нового императора. В кредитивной грамоте в адрес имперского собрания от 28 сентября 1745 г. Кейзерлинг был представлен как полномочный министр России ⁵. Ему предписывалось в случае непризнания Рейхстагом императорского титула правителей Российской империи постараться избежать и не допустить разногласий между государствами и правителями. Кроме того, он должен был решить «голландский вопрос» ⁶.

Кейзерлинг с поставленными задачами справился успешно, несмотря на возражения от саксон-веймарского и некоторых других государственных имперских чинов. Наследник Российского престола Пётр Фёдорович был единодушно признан «сочленом германским» ⁷.

Дипломатическая работа Кейзерлинга заслуженно получила высокую оценку русского правительства. Пребывая на дипломатической службе, на территории разных европейских государств, он добросовестно служил во благо России, используя свои знания и богатый дипломатический опыт в отстаивании государственных интересов. Прослужив стране 31 год в качестве посланника, Кейзерлинг завоевал всеобщую любовь своей честностью, приятным обхождением, прекрасным знанием нескольких иностранных языков. По оценке современников, он отличался знанием своего дела, дальновидностью, красноречием; был осторожен и чрезвычайно деятелен ⁸.

До перевода Кейзерлинга на дипломатическую работу в Берлин осенью 1746 г., Рейхстаг изъявил желание иметь в Регенсбурге постоянного дипломатического представителя Российской империи. Решение вопроса о направлении дипломатического представителя России затянулось более чем на десять лет. В 1757 г. российским резидентом при Рейхстаге был назначен Г.Г. Битнер, которому также было поручено представлять в Рейхстаге интересы голландского герцога ⁹. С этого момента дипло-

матические представители Российской империи постоянно получали аккредитации при общеимперском органе Священной Римской империи германской нации.

Пруссия. С середины XVIII в. Пруссия стала выдвигаться на первый план среди германских государств. Между Пруссией и Австрией началось соперничество за доминирование в Германии. Безопасность Российской империи была под угрозой из-за роста военного могущества Пруссии и расширения ее территорий путем захвата: пруссы настойчиво притязали на территории, которые принадлежали Силезии, Польше и Прибалтике. Россия не могла оставить агрессивные действия Пруссии незамеченными и всячески стремилась не допускать их распространения.

Смерть императора Австрии Карла VI в 1740 г. дала повод королю Пруссии Фридриху II захватить Силезию, входившую в состав Австрийской империи. Действия Пруссии стали началом войны за австрийское наследство в период 1740—1748 годов. В этом конфликте приняли участие многие европейские государства. Фридрих II рассчитывал на то, что Российская империя, которая была озадачена решениями своих внутренних политических проблем, связанных с переделом власти после смерти императрицы Анны Иоанновны, будет не в состоянии оказать эффективную поддержку союзному государству — Австрии. Россию и Австрию связывали обязательства по совместной борьбе против Османской империи, однако, в 1740 г. Пруссии удалось не допустить выступления русских на стороне Австрийской империи путем заключения с Петербургом оборонительного и союзного договора. Российская империя оказалась в сложной политической ситуации. Заключив союз с двумя государствами, находившимися в состоянии военного конфликта, российское правительство не могло оказать поддержку одному государству и при этом не нанести ущерб интересам другого ¹⁰. Несмотря на достигнутый союз с Россией, прусский король осознавал, что ее нейтралитет не может быть долговечным. В скором времени его опасения подтвердились.

Близкие к взошедшей на российский престол императрице Елизавете Петровне братья Бестужевы находили в Пруссии одного из опасных противников России. Они видели необходимость укрепления дипломатических отношений с Англией и Австрией. В свою очередь Пруссия возлагала надежды на то, что дело «заговора Лопухиных-Ботта» против императрицы в пользу Ивана Антоновича, сына Анны Леопольдовны, провозглашенного Анной Иоанновной своим наследником, внесет разлад в отношения Российской империи и Австрии. К заговору оказались причастны жена брата вице-канцлера М.П. Бестужева и австрийский представитель в Петербурге Боттад-Арно ¹¹. Прусским дипломатам удалось воспользоваться ситуацией и заключить союзный договор с Российской империей в 1743 году ¹².

Однако подписанный договор не привел к реальным позитивным изменениям в отношениях России и Пруссии. Петербург, как и прежде, видел в этой стране своего скрытого противника. Канцлер А.П. Бестужев подчеркивал, что насильственное территориальное расширение Пруссии представляет опасность для Российской империи: «сей король, будучи ближайшим и наисильнейшим соседом Империи, потому натурально наипоопаснейший, хотя бы он такого непостоянного, захватнического и возмути-

тельного характера и нрава не был, каков у него есть. Верить слову и даже договору, подписанному с Пруссией, нельзя. Доказательство тому — вероломная политика Фридриха II, поэтому союз с ним невозможен»¹³.

Бестужев осознавал, что возрастание авторитета Пруссии в Германии, мотивированное агрессивными действиями Фридриха, способствовало нарушению равновесия сил в Центральной и Восточной Европе. Сложившаяся ситуация не соответствовала политическим интересам Российской империи. Также для России представляли угрозу интриги со стороны прусских дипломатов в Польше, Швеции и Турции. Канцлер отмечал, что если будет происходить дальнейшее «усиление короля прусского, то невозможно представить, что можно ожидать для Империи от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа»¹⁴. Бестужев был уверен, что степень поддержания мирных отношений между Россией и Пруссией должна быть крайне велика, несмотря на враждебные акции со стороны последней.

В середине 1745 г. войска Пруссии в ходе войны за австрийское наследство нанесли поражение Австрии и Саксонии, после чего выдвинулись в Прибалтику. Вторжение прусских войск на территорию Прибалтики представляло угрозу для северо-западных границ Российской империи. Свое мнение о сложившейся ситуации Бестужев изложил во всеподданнейшей записке: Пруссия, мотивированная «наставлением и финансированием Франции, поступила своими обязательствами по договору, напав на Саксонию и Австрию, тем самым лишившись любой поддержки со стороны России. Интерес и безопасность Империи всемерно требуют таких действий, которые не оставят без внимания все враждебные выпады». Канцлер не исключал возможности вступления России в войну с Пруссией для помощи Австрии и Саксонии¹⁵. Российская империя, в условиях дестабилизации политической обстановки в Европе, не могла и дальше занимать нейтралитет и играть роль наблюдателя по отношению к агрессии Пруссии.

В сентябре 1745 г. Петербург принял решение об оказании военной помощи Саксонии, в рамках которой была осуществлена передислокация войск из Лифляндии и Эстляндии в Курляндское княжество. В 1746 г. Россия и Австрия заключили оборонительный союз, а в 1747 г. были подписаны «субсидные конвенции» с Великобританией, которая входила в союз с Австрией. Согласно «субсидным конвенциям» 1747 г., Россия за определенное финансирование, была обязана держать на лифляндской границе армейский корпус и галеры для защиты ганноверских владений английского королевского дома.

Появление русской армии для оказания военной поддержки Британии и Голландии вынудило Пруссию и Францию добиваться мира. В октябре 1748 г. не без участия России был заключен Аахенский мирный договор, который завершил войну за австрийское наследство.

На фоне происходящих событий, разрыв дипломатических отношений России и Пруссии был неизбежен. Осенью 1746 г. сближение России и Австрии стало причиной отзыва из Петербурга представителя Фридриха II А. Мардефельда.

В 1749 г. столкновение интересов России и Пруссии произошло из-за Швеции. В то время король Швеции при поддержке Франции, Прус-

сии и собственной знати надеялся восстановить абсолютную монархию. По условиям Ништадтского договора (1721), Россия взяла на себя обязательство по охране «учиненной формы правительства» в Швеции — конституционной монархии — и недопущению вмешательства со стороны иностранных государств в «домашние дела королевства Свейскаго»¹⁶. Расширение авторитета Швеции и возросшие в стране реваншистские настроения были невыгодны Петербургу, который требовал от шведского двора уверенных гарантий сохранности прежней формы правления. Своими требованиями Россия вызвала недовольство Берлина, что стало поводом для обострения отношений между двумя государствами.

В марте 1749 г. представитель Российской империи в Берлине Генрих Иванович Гросс (1713—1765) в своих сообщениях для Коллегии иностранных дел писал о военной подготовке Пруссии к завоеванию шведской Померании¹⁷. В связи с этим, главам дипломатических миссий союзных государств Российской империи в Петербурге была передана официальная бумага (записка). В ней говорилось об оценке агрессии Пруссии и тревоге по поводу ее усиления¹⁸.

Одним из факторов, ухудшавших отношения России и Пруссии, стал отзыв Петербургом из иностранных государств, в том числе из Пруссии, русских подданных, состоявших на военной службе. В рескрипте от 7 апреля 1749 г. Г.И. Гроссу говорилось, что из-за сложившейся ситуации подданным России, которые находились на службе в Пруссии, необходимо «вернуться и продолжить службу на пользу государства»¹⁹.

Местные власти запретили публиковать манифест в немецких изданиях, поэтому представителю Российского правительства Гроссу пришлось уведомлять русских офицеров об указе лично. Действия России вызвали протест Берлина²⁰.

В 1750 г. борьба за влияние на Швецию еще более осложнила отношения России и Пруссии. Первый кабинетный министр Пруссии 15 мая 1750 г. передал Гроссу декларацию из-за действий России, «направленных на смену правительства Швеции»²¹. В декларации содержались угрозы в адрес Российской империи, а также требования «прекратить дело, последствия которого, по мнению шведов, могут погрузить север в страшные смуты»²².

В ответ на декларацию Пруссии, в рескрипте от 19 июня 1750 г. российскому дипломату предписывалось заявить от себя лично, что «соблюдение тишины в севере единственно от Швеции самой зависит, ибо сколь долго оное нынешнее своей формы правительства не нарушит, то до того времени мы весьма удалены находимся что-либо против ея предпринять».

Согласно Ништадтскому договору, Российская империя подтверждала намерения по исполнению своих обязательств. До посланника Гросса Петербургом была доведена информация о том, что шведский двор ведет себя недостойно, хотя наследник шведского престола Адольф Фридрих, «приходился двоюродным дядей российского престолонаследника Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского, который вошел в историю России как император Петр III»²³. Кроме того, наследник шведского престола проявлял недружелюбие к России и ее посланнику в Стокгольме Н.И. Панину²⁴.

Позиция России была обозначена аналогичным образом и в представлении назначенному после отъезда Мардефельда полномочному министру Пруссии в России Варендорфу²⁵. В Берлине Гросс сообщил дипломатам союзных государств позицию Российской империи по шведскому вопросу²⁶.

В связи с неблагоприятной обстановкой, Россия была вынуждена принять решение об отзыве дипломатического представителя из Берлина. По мнению Коллегии иностранных дел, факт неуважительного отношения к аккредитованному министру Российской империи со стороны прусского короля в присутствии представителей других государств вынуждал принять решение о том, чтобы Гросс оставил свой пост и покинул Пруссию²⁷.

Гроссу в рескрипте от 25 октября 1750 г. предписывалось, не уведомляя официальные власти о причинах отъезда, возможностях назначения нового представителя России в Берлине, покинуть Пруссию²⁸. 21 ноября 1750 г. Гросс покинул столицу Пруссии без отпускной аудиенции. Дипломат докладывал в Коллегию иностранных дел о том, что забрал с собой находившихся с ним канцелярских служителей и особо важный архив²⁹. В ответ на отзыв российского представителя Пруссия пошла на ответные меры. 2 декабря 1750 г. на имя российского канцлера было направлено письмо, в котором прусский полномочный министра Варендорф сообщал о своем отъезде из Российской империи³⁰.

Коллегия иностранных дел 4 декабря вручила Варендорфу декларацию, в которой были изложены причины, побудившие Петербург отозвать из Берлина своего дипломата. В ней сообщалось, что российская императрица, убедившись в том, что королевско-прусский двор в дружбе и союзе с е. и. в. больше не нуждается, повелела своему министру, г-ну канцелярии советнику Гроссу покинуть Берлин и выехать в Россию³¹. Варендорф покинул Петербург без прощальной аудиенции 12 декабря 1750 года. Дипломатические отношения России и Пруссии прервались на 12 лет.

После смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. власть перешла к Петру III. Новый правитель симпатизировал королю Пруссии. В Семилетней войне (1756—1763), в которой приняли участие почти все европейские государства, Пруссия получила тяжелый удар от русской армии: государство было разорено, а часть прусской территории — оккупирована. По словам Фридриха II, Пруссия «агонизировала и ждала соборования»³². В письме от 1762 г. он сообщал своему брату принцу Генриху: «Если вопреки нашим надеждам, никто не придет к нам на помощь, — прямо говорю вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель».

Поворот во внешней политике России спас Фридриха II³³. Пётр III отказался от всех завоеваний на территории Пруссии. Также император изъявил желание поддержать короля Пруссии. Сразу же после смерти императрицы Петром III было направлено письмо генерал-адъютанту, приближенному к прусскому королю А. В. Гудовичу. В письме содержалось предложение о заключении «добраго согласия и дружбы»³⁴.

Между правителями началась постоянная переписка. Русский император писал Фридриху о том, что вряд ли какой-либо подданный Пруссии служит Фридриху вернее, чем он. Пётр III, как его называл Фридрих II,

«государь с истинно немецким сердцем», даже предложил Фридриху разработать проект договора о мире, который завершал Семилетнюю войну.

В феврале 1762 г. состоялось подписание декларации, согласно которой военные действия против Пруссии прекращались. Русско-пруссский мирный договор, заключенный 24 апреля 1762 г., возвращал Пруссии все завоеванные территории без каких-либо компенсаций³⁵. Действия Петра III способствовали восстановлению дипломатических отношений между государствами. 1 мая 1762 г. именным указом Н.В. Репнин был назначен российским полномочным министром в Берлине³⁶.

С приходом к власти Екатерины II, с учетом завоеванного авторитета после побед в Семилетней войне, Российская империя вышла на первые позиции в Европе. Главный советник императрицы по внешнеполитическим делам Панин отмечал, что взаимодействие России с другими государствами ограничивалось решением шведских и польских вопросов, а также русско-турецкими отношениями³⁷. Как писал русский историк В.О. Ключевский, Екатерине «нужны были крупные дела, для всех очевидные успехи, чтобы оправдать свое воцарение и заслужить любовь подданных»³⁸. Стремясь к расширению и укреплению позиций в Центральной Европе, императрица полагала, что особое место в этой работе необходимо отвести германским государствам. По ее планам, именно в Германии было необходимо установить так нужное Российской империи равновесие сил и проявить «беспристрастие», которое, как она полагала, могло «приобрести нам доверие всех держав»³⁹.

В рамках достижения целей Екатерины II был расторгнут военный союз с Пруссией, при этом мирный договор был сохранен. Данное решение не удовлетворяло ни одну из воюющих сторон. Предложение о посредничестве было также отклонено участниками Семилетней войны. В заключении Губертсбургского мира в 1763 г. Россия не участвовала⁴⁰.

В рамках активизации внешней политики Российской империи в 1762 г. Коллегия иностранных дел подготовила специальный доклад, в котором говорилось о том, какое влияние Россия должна иметь в делах с германским правительством. В докладе была отражена идея о расширении сети дипломатических представителей на территории Германии. Предполагалась аккредитация послов России в верхнем и нижнем Рейнских округах, при Майнцком, Кёльнском и Трирском духовных курфюрстах, при епископе Палатинском и ландграфе Гессен-Кассельском⁴¹. Обозначенные в докладе идеи были высочайше одобрены, и Коллегия иностранных дел приступила к их реализации.

Дипломатическим отношениям с Пруссией Российская империя, как и прежде, уделяла большое внимание. 13 ноября 1762 г. было принято решение о назначении нового чрезвычайного посланника в Берлине. Им стал князь В.С. Долгоруков, заменивший полномочного министра Репнина. По просьбе России из Петербурга Пруссия отозвала полномочного министра Гольца. Его в качестве посланника сменил Сольмс⁴². Екатерина II сама решала все важные вопросы: она вела личную переписку с Фридрихом II, переговоры с Сольмсом также проводились при ее непосредственном участии. Пруссия наделила своего посланника широкими полномочиями, необходимыми для подписания договоров и соглашений. Функции Долгорукова, в отличие от его прусского коллеги, ограничива-

лись точным исполнением указаний Екатерины II. От него требовалась объективная и достоверная информация о положении в Пруссии. Полагают, что Долгоруков, который не являлся профессиональным дипломатом, был назначен посланником в качестве благодарности за участие в государственном перевороте. Долгоруков проработал в Берлине более двадцати лет, до 1786 года. За это время он направил в Петербург множество реляций, частных писем и донесений, в которых сообщал о взаимоотношениях представителей местной знати и особенностях дипломатического церемониала. Информация Долгорукова позволяла русским дипломатам более свободно ориентироваться в делах Германии⁴³.

Саксония. Вторым значимым германским государством, в прочных дипломатических отношениях с которым Россия была заинтересована, являлась Саксония. После смерти короля Польши Яна Собеского в 1697 г., благодаря поддержке России курфюрст Саксонии Фридрих Август I был избран польским королем под именем Август II⁴⁴. Будучи правителем двух стран, он смог реализовать свои планы по установлению абсолютной монархии и объединению Польши и Саксонии в единое государство, которое было способно соперничать с династией Габсбургов в Восточной и Центральной Европе. Союз Саксонии и Польши имел своеобразный характер. Оба государства, вне зависимости друг от друга, формировали свои выборные представительные органы власти. В Польше избирался сейм, а в Саксонии — тайный совет. Каждый выборный орган мог направлять своих дипломатических представителей. Август II обладал правом принятия решений, он подписывал указы как король и в то же время как курфюрст. С учетом его саксонских корней, на дипломатические должности чаще назначались саксонцы. Финансирование работы послов осуществлялось из бюджетов двух государств, несмотря на это, чаще всего, саксонские дипломаты стремились добиться своего финансирования у польского канцлера, чем вызывали недовольство поляков. Содержание послов из Саксонии нередко превышало ассигнования Польши на дипломатические нужды. Превалирование в политике личных интересов Августа II, которые расходились с позицией Саксонии и Польши, вызывало противоречия между польскими и саксонскими дипломатами⁴⁵.

Во время союза Польши и Саксонии дипломатические представители Российской империи специально не проходили аккредитацию, что позволяло им, будучи направленными в Польшу, работать и в Саксонии⁴⁶. Несмотря на наличие двух резиденций — в Варшаве и Дрездене, Август II чаще находился в Дрездене, куда также был перемещен дипломатический корпус. Соответственно и глава представительства Российской империи был вынужден больше времени проводить в Саксонии. Несмотря на это, его присутствие в Варшаве было необходимо по политическим соображениям. С учетом этого обстоятельства, Россия учредила в 1732 г. в Польше дополнительный пост резидента⁴⁷. При иных обстоятельствах практика направления двух дипломатических представителей в одно государство применялась в период Северной войны (1700—1721). В то время в Польшу вместе с посланником при короле был аккредитован резидент Российской империи при полных литовских коронных гетманах⁴⁸.

Своевременность предпринятого в 1732 г. шага была подтверждена событиями, которые произошли после смерти Августа II в 1733 году.

Франция всячески пыталась содействовать восхождению на престол своего ставленника Станислава Лещинского, что вызвало волнения в государстве и спровоцировало войну за польское наследство 1733—1735 годов. Присутствие дипломатического представителя России П. Голембовского в Варшаве представляло особую значимость⁴⁹. С помощью дипломата Петербург получал актуальную и важную информацию о событиях в стране. Польским королем при поддержке Российской империи в 1733 г. стал Август III — сын Августа II. При нем практика двойного российского представительства сохранялась до его смерти в октябре 1763 г. с одновременным распадом союзного государства.

21 декабря 1763 г. в Петербург с сообщением о смерти короля Польши и Саксонии Августа III прибыл специальный представитель саксонского курфюрста Фридриха-Христиана Карл фон дер Остен-Сакен. Также саксонский дипломат проинформировал о намерении его государства укреплять «между обоими дворами, государствами и землями дружбу и тесный союз»⁵⁰. В доказательство своих слов он передал Екатерине II кредитивную грамоту от 24 октября о его назначении полномочным министром Саксонии в Российской империи (с 1756 г. в Петербурге находился резидент польско-саксонского двора Прасс)⁵¹.

В том же году, исходя из принципа взаимности, Российская империя приняла решение об учреждении дипломатической миссии в Дрездене. Несмотря на это, ряд причин не позволил направить в Саксонию в качестве полномочного министра Ивана Матвеевича Симолина (1720—1799)⁵². Спустя три года, в соответствии с указом от 4 февраля 1766 г., чрезвычайным представителем в Дрездене был назначен русский дипломат Андрей Михайлович Белосельский (1735—1776)⁵³. В подготовленных для посланника инструкциях была изложена история русско-саксонских отношений и обращалось внимание на то, что еще при жизни польского короля Августа III происходили «многие дела», касавшиеся Саксонии. С кончиной короля почти прекратились все связи с саксонским курфюрством. Однако в своих интересах Российская империя всегда стремилась иметь полномочного министра в Дрездене. Поэтому находившемуся в Регенсбурге советнику И.М. Симолину дважды были посланы верительные грамоты «к покойному королю и сыну его курфирсту»⁵⁴. Таким образом, Симолин получил документы одновременно с известием о кончине короля, к которому был аккредитован. В Дрездене все еще оставалось свободным министерское место, на которое был определен камер-юнкер А.М. Белосельский.

Для информационной подготовки ему были предоставлены обзоры дипломатических отношений Российской империи с Данией, Пруссией, Швецией, Польшей, Турцией, Австрией, Англией, Францией, Испанией, Персией и Китаем⁵⁵.

В конце мая 1766 г. Белосельский отправился к своему месту назначения через Кенигсберг и Берлин⁵⁶ и прибыл в Дрезден 28 июля. 29 июля российский дипломат вручил министру иностранных дел Саксонии графу Флемингу копию верительной грамоты. Министр принял посланника «со многими уверениями... дружбы» и особенного уважения⁵⁷.

30 июля 1766 г. прошла аудиенция у принца-администратора при малолетнем саксонском курфюрсте Фридрихе-Августе III, в рамках которой

российский представитель вручил принцу-администратору кредитивную грамоту⁵⁸. После получения аккредитации российский дипломат приступил к работе.

Голштиния. Голштинское герцогство занимало важное стратегическое положение среди германских государств, так как было расположено между Балтийским и Северным морями в Северной Германии. Голштиния входила в состав Священной Римской империи германской нации. Голштинским герцогам было дано право голоса в имперском собрании, благодаря чему они могли оказывать влияние на общую политику Германии. Учитывая политическое значение Голштинии, Россия еще со времен Петра I вошла с ней в союз, который был скреплен браком герцога голштинского Карла-Фридриха с Анной Петровной⁵⁹. В результате династия Романовых получила право на наследное владение Голштинией. Сын Анны Петровны Пётр Ульрих имел право на наследование двух престолов — российского и голштинского⁶⁰.

После восшествия на престол Петра II в 1727 г. был поднят вопрос о необходимости учреждения российской дипломатической миссии в Голштинии. 5 июля 1727 г., согласно указу, министром «при его королевском высочестве герцоге голштинском» был назначен влиятельный дипломат того времени Артемий Петрович Волинский (1689—1740)⁶¹. Однако по многим причинам направление дипломата в Эйтин так и не состоялось⁶².

Российская империя, в связи с планами по созданию системы «северного аккорда», в 1765 г. считала необходимым построение дружественных отношений с Данией. Тогда сближению держав помешали разногласия по голштинскому вопросу. Коллегия иностранных дел считала, что в интересах доброжелательных отношений с Данией, Российской империи следовало отказаться от владений великого князя Павла Петровича в Голштинии. Также Коллегия отмечала, что союз с Данией будет способствовать наращиванию авторитета не только в Германии, но и в Европе⁶³. Предложение нашло свое высочайшее одобрение. В соответствии с предварительным договором, подписанным в апреле 1767 г., великий князь уступил права на наследование Голштинии датскому королю Христиану VII. Вместо прав на голштинское наследство князь получил право наследования графств Ольденбург и Дельменгорст. В июне 1773 г., после достижения Павлом Петровичем совершеннолетия, договор был подписан окончательно. По достигнутым договоренностям Голштинией стал владеть епископ Любекский, который представлял младшую ветвь гольштейн-готторпского дома⁶⁴. Для достижения своих политических интересов Петербург принял решение направить в Голштинию своего дипломатического представителя. Согласно Указу от 12 июня 1774 г., министром в Эйтине был назначен барон Иван Иванович Местмахер (1733—1805)⁶⁵. Инструкция, подготовленная для дипломата, предписывала ему содействовать в улаживании разногласий в связи с отказом великого князя Павла Петровича в 1774 г. от прав на наследование Ольденбурга и Дельменгорста. Также Местмахеру было поручено приложить максимум усилий для укрепления доверия между епископом Любекским и его племянниками — голштинскими принцами⁶⁶.

Местмахер прибыл на место службы 12 августа 1774 года. Через несколько дней дипломат вручил кредитивную грамоту, подписанную

9 июля, епископу Любекскому Фридриху Августу. В ней указывалось, что в интересах великокняжеского двора Местмахер назначен в Гольштинию в качестве российского министра⁶⁷. С целью аккредитации Местмахера в Ольденбурге Фридриху Августу было передано личное послание Екатерины II⁶⁸. В результате он получил полную аккредитацию в герцогстве Гольштейн-Ольденбург.

Таким образом, можно утверждать, что Русское правительство предпринимало не только серьезные военно-политические, но и дипломатические шаги для усиления своего влияния и защиты интересов России в германских княжествах в XVIII веке.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Сношения России с имперским собранием, оп. 86/1, 1745 г., д. 3а, л. 7—23.
2. Там же, оп. 88/1, 1745 г., д. 3б, л. 1—14, 25—44.
3. Там же, оп. 83/1, 1745 г., д. 3а, л. 242—243об.
4. Там же, д. 2, л. 7—8.
5. Там же, д. 1, л. 12—13.
6. Там же, д. 6а, л. 186—188.
7. Там же, д. 4, л. 5—8.
8. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М. 1836, ч. III, с. 55—61.
9. АВП РИ, ф. Сношения России с имперским собранием, оп. 83/1, 1756 г., д. 1, л. 1.
10. МАРТЕНС Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. V. СПб. 1880, с. 317—332; т. I. 1874, с. 108—109, 124—126.
11. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 105. СПб., 1899, с. 399.
12. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. V, с. 358.
13. Архив князя Воронцова. Кн. 2. М. 1871, с. 21—23.
14. Там же, с. 19—21
15. Там же, с. 71—72, 81—82, 93.
16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. I, т. VI, № 3819, с. 420.
17. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1749 г., д. 5, л. 14—18.
18. Там же, д. 2, л. 31—34об.
19. Там же, л. 36, 142—143.
20. Там же, д. 5, л. 334—336.
21. Там же, 1750 г., д. 6, л. 187—189.
22. СОЛОВЬЁВ С. И. Истории России с древнейших времен. Кн. 5. Т. XXIII. М. 1873, с. 62.
23. Монархи Европы: Судьбы династий. М. 1997, с. 241—242.
24. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1750 г., д. 5, л. 44—49об.
25. Там же, л. 58—58об.
26. Там же, д. 6, л. 241—242, 248об.
27. Там же, д. 5, л. 77об.
28. Там же, л. 70—75.
29. Там же, д. 6, л. 448—449.
30. Там же, д. 8, л. 91—92.
31. Там же, оп. 73/1, 1750 г., д. 8, л. 98—103об.
32. Записки Фридриха II. — Русский архив. 1877. кн. 1. вып. 1. с. 5—21.
33. История дипломатии. Т. I. М. 1959, с. 335.
34. Письма Петра III Фридриху. — Русский архив. 1898. кн. 1. с. 5—10.
35. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. V, с. 367—378.
36. АВП РИ, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/1, 1762—1763 гг., д. 10, л. 1.
37. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М. 1913, с. 349.

38. Там же, с. 318—319.
39. ТРАЧЕВСКИЙ А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (1780—1790). СПб. 1877, с. 48.
40. БАЛЪБАСОВ В. Международные сношения России с германскими государствами. — Исторический вестник. Т. XXXV. СПб. 1889, с. 67—85.
41. АВП РИ, ф. Секретные мнения КИД, оп. 5/1, д. 580, л. 1, 4—5об.
42. Там же, ф. Сношения России с Пруссией, оп. 74/6, д. 129, л. 6—6об.
43. МАРТЕНС Ф. Ф. Ук. соч., т. VI., с. 39—40.
44. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/6, д. 1846, л. 1—37.
45. История дипломатии Польши. Т. II. Варшава. 1982, с. 406—407.
46. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). ч. II. (Германия и Италия). М. 1896, с. 19.
47. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/1, 1732 г., д. 1, л. 1—2об.; оп. 79/6, д. 843, л. 1.
48. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/1, 1708 г., д. 16, л. 47.
49. АВП РИ, ф. Сношения России с Польшей, 1732 г., д. 1, л. 1—2.
50. Там же, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 1—3об.
51. Там же, ф. Внутренние коллежские дела (ВКД), оп. 2/6, д. 3432, л. 17—17об.; д. 3437, л. 2; ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 7.
52. Там же, ф. Регенсбургская миссия, 1763 г., д. 14.
53. Там же, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/2, 1766 г., д. 92, л. 1.
54. Там же, оп. 84/1, 1763 г., д. 2, л. 11—12.
55. Там же, оп. 84/2, 1766 г., д. 93, л. 1—20.
56. Там же, д. 94, л. 4—4об.
57. Там же, л. 15—16об.
58. Там же, д. 95, л. 10—11.
59. ПСЗРИ. Собр. I. т. VII, № 4605, с. 374—380.
60. БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIX (А). СПб. 1903, с. 679.
61. АВП РИ, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/1, 1727 г., д. 11, л. 11.
62. БРОКГАУЗ Ф. А., ЕФРОН И. А. Ук. соч. Т. VII. СПб. 1892, с. 125.
63. АВП РИ, ф. Сношения России с Данией, оп. 53/5, 1765 г., д. 66, л. 6—7.
64. Там же, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/7, 1773 г., д. 3, л. 1—50об.
65. Там же, оп. 51/8, 1774 г., д. 93, л. 3—3об.
66. Там же, д. 92а, л. 1—5об.; ф. Сношения России с Ольденбургом, оп. 71/2, д. 37, 1773—1774 гг., л. 1—14.
67. Там же, ф. Сношения России с Голштинией, оп. 51/8, 1774 г., д. 94, л. 1—4.
68. Там же, ф. Сношения России с Ольденбургом, оп. 71/2, 1774 г., д. 2, л. 1—2.